

Вырезка из газеты

26 ФЕВ. 1977

ПСКОВСКАЯ
ПРАВДА

г. Псков

Платье для донны Эльвиры

Последняя реплика, последняя мизансцена, и зал взрывается аплодисментами. Закончен спектакль, опускается занавес. На авансцене взволнованные актеры, режиссёр, художник. Это им, творцам спектакля, предназначены овации зрителей.

А там, за кулисами, слушаешь восторженный гул зала, поздравляют друг друга с успехом монтировщики и бугафоры, осветители и парикмахеры, одевальщицы и портнихи — та часть создателей спектакля, которая незаслуженно называется нетворческой.

...Платье рождалось трудно. А как мечтали о таком вот костюме! Как радовались, когда начали работать над молверовским «Дон Жуаном»! Испания, XVII век. Принесли эскизы.

Все красиво — и цвет, и силуэт. А как кроить-то его, это платье для донны Эльвиры? Как ни прикинешь — все выходит современное вечернее. Пошла в библиотеку, взяла в читальном зале «Историю костюма», почитала, рисунки просмотрела, набросала карандашом основные линии. Пенящее стал будущий наряд для испанки. Но надо еще сшить его. Да так, чтобы и зрители поверили в богатство, красоту и элегантность красавицы, и сама актриса почувствовала себя знатной дамой.

Таковы заказчик театральной портнихи Анастасии Миновны Афанасьевой. Сегодня это деловые женщины XX века, завтра — сельские француженки прошлого столетия, по-

слезавтра — россиянки.

...Анастасия Миновна нервничала, сердилась на все вокруг, проклинала тот день, когда связалась с театром, даже всплакнула. И терпеливо воевала с непослушным шелком. Но что стоили ее слезы, волнения по сравнению с осанкой, поворотом головы, походкой актрисы, надевшей готовое платье. Чего стоили лихорадка и неротрепка последних перед сдачей спектакля дней по сравнению с тем, что премьера прошла удачно.

— Чтобы работать в театре, надо им заболеть, — говорит иногда Анастасия Миновна.

Пятнадцать лет назад «подхватила эту инфекцию» и Афанасьева. Подгоняемая любопытством, она зашла к подруге в костю-

мерную театра, сначала робко и неуверенно откликнулась на просьбу помочь. Потом увлеклась с этим нечеловеческим ритмом, необычными заказами и заказчиками, театр стал ей необходим.

Впрочем, однажды она ему изменила. В одну трудную минуту, рассердившись на все на свете, уволилась. Подруги звали в ателье. Отказалась, пошла в кукольный театр. Мимо своего. Пушкинского, ходить спокойно не могла. И на спектакли тянуло, а не шла — боялась расплакаться.

Константин Сергеевич Станиславский сравнивал театр с водоворотом, который захватывает всех, кто к нему прикоснется. Так получилось и с Афанасьевой. Не выдержала — вернулась.

В маленькой светлой комнате, в той части театра, которая недоступна зрителю, стоит шкаф, швейная машинка, широкий стол. Здесь готовились костюмы и для «Учителя танцев», и для «Блохи», и для «Царя Федора Иоанновича», и для «Маскарада». Сейчас стол завален черным шелком и эскизами для постановки «Траур — участь Электры». Пройдет день — два. И на столе появятся другие ткани. Другие эскизы. Театр работает над пьесой И. Друцэ «Птицы нашей молодости». Заведующая костюмерным цехом Таяна Иванова уже принесла яркие книжки с картинками — стихи и прозу молдавских авторов. Началась новая работа.

С. АМАЕВА.

г. Псков.